

Этот поступок С застал врасплох даже Федерацию.

Согласно результатам расследования, все улики указывали на то, что похитителей было всего двое.

В руку Линь Хуайшэна вложили нож.

Миловидный, беззащитный слепой юноша с холодным оружием в руках — такая картина могла вызвать лишь тревогу за его безопасность. С был слишком самонадеян. Он прошептал Линь Хуайшэну на ухо то же, что нашептывал каждую ночь, обнимая его: — В часе от тебя, десять шагов вперед. Ты справишься, правда?

Губы юноши дрогнули, но он не произнес ни слова. Его растерянное лицо выдавало: он был совершенно не готов.

— Зачем...

С поцеловал его в ухо, и этого знака хватило, чтобы его послушный агнец замолчал.

— Помоги мне, — попросил С.

Он слой за слоем покрывал свою ядовитую любовь сахарной глазурью, скармливая её агнцу. На самом деле он просто обезумел от усталости. Такие люди, как он, прогнили до мозга костей: и когда они получают любовь, и когда отдают её — всё это пропитано пороком. Утренний разговор с Линь Хуайшэном лишь ускорил его падение, сделав еще более уродливым. Он больше не довольствовался прежними отношениями и жаждал, чтобы Линь Хуайшэн перестал быть просто агнцем. У С было предчувствие, что всё скоро закончится, но он не собирался отпускать Линь Хуайшэна. Он не хотел, чтобы его агнец получил спасение и, покинув этот дом, забыл всё за полгода или год. Ему нужно было спешить, чтобы ассимилировать юношу, окончательно превратить его в своего — в своего черного агнца, в своего сообщника.

Тихий, словно поток воздуха, шепот просочился в ушной канал Линь Хуайшэна. Эта сороконожка готовилась поглотить мозг любимого агнца, чтобы на его месте проросли самые чистые чувства.

— Я твой пес, Хуайшэн, я так сильно тебя люблю. Полюби и ты меня хоть раз.

Потухшие, лишённые блеска глаза Линь Хуайшэна стали еще более пустыми. Он механически сжал рукоять ножа, превратившись в покорную марионетку С.

В кадре появилась спина юноши. Он шел медленно, и в этой нерешительности было много смыслов. Возможно, он не осознавал, что один лишь вид его спины заставил Федерацию и полицию начать активный поиск данных о «третьем похитителе». Как только он ступил на этот путь, дороги назад не стало. Агнец, казалось, постепенно начал понимать эту истину: рука, сжимающая нож, дрожала, дрожали и губы, считающие шаги. С находил его таким жалким, а себя — таким жестоким, но этот контраст приносил ему болезненное удовлетворение. Даже то, что Линь Хуайшэн удалялся, повернувшись к нему спиной, казалось С сближением. Он заставил агнца сделать это не потому, что хотел, чтобы тот совершил убийство своими руками — он наслаждался самим процессом трансформации Линь Хуайшэна. Поэтому, если тот

продолжит идти, — так тому и быть.

Десять шагов — это близко. Очень быстро.

Линь Хуайшэн наступил на ногу Арнольду. Он понял, что счет окончен — как раз десять шагов. Непостижимо, как С удалось рассчитать всё с такой точностью.

Арнольд лежал на полу, глядя прямо в глаза Линь Хуайшэну, ослепленный светом ламп. Это было мучительно, Арнольду приходилось щуриться, чтобы хоть что-то разглядеть. Линь Хуайшэн стоял спиной не только к камере, но и к С и Лиону — это был один из немногих шансов на контакт.

Арнольд вспомнил слова Линь Хуайшэна о том, что они еще увидятся. Знал ли тогда Линь Хуайшэн, что они окажутся в такой смертельной ловушке? Эти сложные вопросы Арнольд не мог передать словами, а значит, не мог получить и ответа.

Арнольд не знал намерений Линь Хуайшэна, но, окинув взглядом комнату, не увидел у похитителей оружия. Рискнув, он прицелился в нож в руках Линь Хуайшэна, надеясь выбить его, не выдав своего товарища.

Линь Хуайшэн молчал слишком долго.

Лион нетерпеливо цыкнул, взглядом указывая на С.

С не стал винить своего агнца. Он закурил — сегодня он курил слишком много, и его голос стал хриплым.

— Агнец, ты выбрал именно его?

Он был достаточно осторожен, чтобы не произносить настоящего имени Линь Хуайшэна в эфире, но при этом был достаточно жесток, чтобы намеренно не сказать Линь Хуайшэну, кто именно лежит у него под ногами.

Линь Хуайшэн в панике замотал головой, выдавая подсознательную неготовность. Боясь сделать выбор, он попытался отойти в сторону, чтобы не наступать на Арнольда.

Когда Линь Хуайшэн отошел, Арнольд задергался. Его чувство долга подсказывало: лучше пусть мучениям и смерти подвергнется он сам, чем Исер. Арнольд начал переживать, не пытается ли Линь Хуайшэн избежать выбора именно из-за их утреннего разговора.

Отступая, Линь Хуайшэн споткнулся об Исера.

Агнец был напуган чередой событий, заметался и едва не выронил кинжал.

За кадром раздался голос С, который успокоил агнца.

С посмотрел на Исера и произнес: — Исер, тебе «повезло». Я позволю агнцу ударить тебя трижды. Куда именно — он решит сам.

Но если бы Линь Хуайшэн действительно был слеп, первый же удар мог вонзиться прямо в сердце Исера.

Исеру хотелось похвалить агнца за смелость и ум, но он не мог подать и вида.

На лице Исера застыло отвращение, но когда Линь Хуайшэн полностью заслонил его от камеры, он озорно подмигнул юноше. Глаза Исера были ледяного синего цвета, что обычно придавало ему суровый и холодный вид, словно айсберг в полярных водах. Но он не был таким человеком, поэтому было трудно сказать, на что на самом деле похож его взгляд.

Однако, прежде чем Исер успел продолжить игру, Линь Хуайшэн внезапно нанес удар. Первый нож вошел в бок, неглубоко, но так неожиданно, что лицо Исера исказилось от боли.

Услышав стон Исера, Линь Хуайшэн занервничал еще сильнее. Возможно, он и сам не понимал, чего боится, но, почувствовав напряжение мышц Исера, инстинктивно попытался отстраниться, споткнулся и с вскриком «А!» рухнул прямо на него.

Это заставило С поволноваться.

Поведение агнца внушало ему опасения, и он был готов прямо перед лицом Федерации отказаться от своих слов.

Но то, что произошло дальше, поразило даже С.

Теперь Линь Хуайшэн и Исер были в тесном контакте. Исер не мог вырваться из пут, но Линь Хуайшэн ощущал борьбу взрослого мужчины, оказавшегося на грани жизни и смерти. Чтобы удержать равновесие, он уперся свободной рукой в грудь Исера, невольно изучая структуру его тела. Казалось, агнец был в полном забытии, следуя лишь приказам С. Он вытащил нож и ударил снова. Возможно, он целился в сердце, но из-за яростного сопротивления Исера лишь ранил его в левое плечо.

Запах крови, тяжелое дыхание — всё в этой комнате было способно сжечь остатки здравого смысла. Линь Хуайшэн вспотел, пряди волос прилипли к его шее, обнажая следы от пальцев — метку дьявола, которая в этот миг объясняла причину его падения.

То ли от потери крови, то ли от напряжения температура тела Исера была высокой. Он тяжело дышал, но в этот критический момент чувствовал возбуждение. В глубине души он был бунтарем, а его внешность — лишь маскировка. Он даже участвовал в подпольных боях. Но сейчас всё было иначе: он возбуждался не от жажды драки, а от этого агнца, что был на нем. Линь Хуайшэн в роли бойца был безупречен и разжигал в нем желания так, что он забыл обо всем — о других в комнате, о тысячах зрителей по ту сторону экрана. А что же этот прекрасный агнец? Заметит ли он? Исер не знал, хочет ли он, чтобы тот заметил. Но Линь Хуайшэн точно почувствует — они прижаты друг к другу слишком тесно, чтобы скрыть хоть малейшее изменение.

Линь Хуайшэн действительно почувствовал.

Агнец пришел в себя. Он попытался сползти с Исера, но замер, не завершив третий удар. Он

поднял нож высоко над головой, но острое никак не могло опуститься. Если присмотреться, на его лице были брызги крови — на губах и в уголках глаз. Эта кровавая неразбериха, словно неудачная картина, скрывала тот факт, что его лицо пылало от смущения.

Мужчина под ним, несмотря на кровоточащую рану, смотрел на него горящими глазами, как хищник на добычу, совершенно не заботясь о том, слеп Линь Хуайшэн на самом деле или притворяется.

С и Федерация по ту сторону экрана спасли агнца от его шаткого замешательства.

— Сбор энергетического ядра идет тяжело, Федерация выполнила лишь 5% от плана. Послезавтра, на рассвете, в городке Салан на юго-западе горного хребта Уцзи, координаты (236, xxx). После подтверждения безопасности двух заложников, вы получите полные координаты.

С переглянулся с Лионом.

Разумеется, С прекрасно понимал уловки Федерации: если они говорят о 5%, значит, на деле выполнено уже не менее 20%.

Но для них и 5% было достаточно.

На этом сегодняшнее противостояние завершилось, и победа, казалось, осталась за С.

— Перевяжи ему рану, — бросил С Лиону. Кого именно он имел в виду, было очевидно.

С чувствовал себя превосходно: они победили, а Линь Хуайшэн показал себя с лучшей стороны. Centipede не терпелось обнять своего агнца, осыпать его похвалами и лаской. Этот преступник, которого полиция считала лишенным человеческих чувств, сейчас открыто демонстрировал свое ликование.

— Надеюсь, вам понравилось сегодняшнее шоу. До встречи.

Мужчина протянул руку к камере, помахал в объектив и отключил трансляцию.

Он отбросил образ преступника и вернулся к безумному влюбленному. В глазах С больше не было никого, кроме Линь Хуайшэна. Он сделал несколько шагов и заключил агнца в объятия, жадно вдыхая запах пота и крови. Агнец был слишком идеален, и С безумно хотелось спрятать его от всех. Он не хотел, чтобы кто-то еще видел эту красоту. Он действовал как дикий зверь, движимый одними инстинктами, настолько свирепый, что даже его сообщники не осмеливались заговорить с ним, наблюдая, как этот человек спешно уносит свою драгоценность.

Хорошо, что С был в таком состоянии, иначе Исеру не поздоровилось бы.

У Исера темнело в глазах — признак большой потери крови. Он тяжело дышал, мысленно подтрунивая над собой: «Агнец и правда ударил сильно». И в то время, как рука с ножом

причиняла боль, другая рука, упертая в его грудь, едва заметно выстукивала код: «Жди меня».

«Что за...» — ворчал Исер про себя. — «Как этот агнец может быть таким... искусным? И в побеге, и в чувствах».

Исер сдался, обмякнув на полу. Ему было всё равно, какими глазами на него смотрят остальные.

...

С, неся своего агнца, летел вперед, и путь был гораздо короче 179 шагов.

Он забыл считать, не хотел считать. Его переполняло неопишное возбуждение. В другой раз, завтра — нет, позже он пройдет по этому пути еще раз, чтобы извиниться перед агнцем. Сейчас он хотел только целовать его.

Дверь была открыта, и С повалил Линь Хуайшэна прямо на кровать. Теснота узкой койки мешала ему, и он ненавидел это дерево, желая разнести его в щепки. Но дерево лишь подпитывало огонь в сердце Centipede. Он целовал его яростно, придавив всем телом, впиваясь пальцами в челюсть Линь Хуайшэна — это был не поцелуй, а схватка двух зверей.

Губы Линь Хуайшэна распухли, но С было мало. Он раз за разом пытался разжать зубы агнца, стремясь прорвать оборону. Язык — оружие, слова — приманка.

На губах был привкус крови — С слизал капли с лица Линь Хуайшэна, когда целовал его.

— Агнец, ты такой красивый. Открой рот, я хочу поцеловать твой язык.

Но он не давал Линь Хуайшэну времени на раздумья. Он хотел, чтобы тот погрузился в водоворот любви, чтобы, одурманенный, согласился на всё и навсегда остался прекрасным слепцом в его объятиях. Сказав это, С прикусил нижнюю губу Линь Хуайшэна, словно предвидя, что тот от смущения будет кусать её сам. Если агнец сделает так, как он ожидал, С тут же воспользуется моментом, чтобы проникнуть внутрь и оставить свою метку.

— М-м...

Слюна, смешанная с кровью, стекала по их губам, оставляя след на шее — путь любви.

— Ты сегодня такой молодец. Мой лучший агнец.

После очередного поцелуя Линь Хуайшэн вдруг ответил, обняв С за шею, не заботясь о том, что мужчина давит на него своим весом. С чувствовал дрожь Линь Хуайшэна — он был похож на хрупкое, беззащитное существо, а поцелуи С словно одновременно убивали и воскрешали его.

Победоносные губы перешли к глазам.

Мужчина целовал губы Линь Хуайшэна, а затем — его глаза, каясь в том, что его любовь — это

не способ ухода от реальности, а потому что он слишком сильно любит владельца этих глаз. Язык проходил по векам, увлажняя ресницы, будто Линь Хуайшэн плакал. И в конце концов он действительно заплакал. С покрасневшими глазами он был уже не агнцем, а маленьким кроликом.

Centipede слишком сильно любил своего агнца.

Желание отступило, уступая место нежности.

— У моего агнца текут не только губы, но и глаза.

Линь Хуайшэн, о котором он говорил, казался сломленным его поцелуями — он был глуп и покорно принимал всё, не в силах ответить. С довольно рассмеялся. В их гнезде, где не было чужих, он мог позволить себе всё — вернуться к состоянию дикого зверя, чтобы выразить свои чувства максимально чисто.

Centipede прижался щекой к щеке Линь Хуайшэна. Та самая сороконожка на его лице ползала по коже юноши, слизывая драгоценные слезы. Линь Хуайшэн дрожал, открыв рот в беззвучном вздохе. Его рука потянулась вперед, словно он хотел что-то сделать. Нащупав шрам на лице С, пальцы Линь Хуайшэна задрожали. Красивая агония, красивый взмах крыльев. Он повторял прикосновения, словно пытаясь убедиться в чем-то. С вдруг почувствовал неуверенность и горько усмехнулся: может, его шрам слишком уродлив? Он не осмелился спросить и решил выразить нежность поцелуями. Он хотел снова поцеловать глаза Линь Хуайшэна, но тот вдруг разрыдался, оттолкнул С и, неуклюже ползая по кровати, упал с узкой койки.

Ничего не осталось.

Только всхлипы Линь Хуайшэна, его плач и боль.

Хотя упал Линь Хуайшэн, на мгновение С показалось, что это он сам рухнул в бездну.

Мужчина вдруг ослабел, охваченный паникой. Он хотел поднять его, обнять, успокоить, спросить, что случилось. Но он не мог сделать ничего — при его приближении Линь Хуайшэн сжимался в комок, издавая полные ужаса стоны.

Эти звуки пронзали С насквозь. Он опустился на корточки, пытаясь подойти, но Линь Хуайшэн неистово сопротивлялся, выкрикивая что-то, чего С не мог понять.

Агнец испытывал животный ужас. С не решался применить силу, из-за чего рядом со шрамом-сороконожкой на его лице появились новые царапины. Но Линь Хуайшэн вел себя так, будто это он был жертвой: он яростно размахивал руками, ударяя по полу и по лицу С, влепив ему пощечину.

— Уйди! Уйди! Прошу, уйди!

С слышал, как Линь Хуайшэн повторяет «уйди», и это причиняло ему невыносимую боль. Но он продолжал слушать, словно занимаясь самобичеванием.

— Уйди... — Агнец плакал, его лицо было мокрым от слез, воротник пропитался влагой. —

Уйди, сороконожка, уйди...

Поняв, что С не уйдет, Линь Хуайшэн осознал, что все его попытки тщетны.

Он перестал сопротивляться, свернулся в клубок и спрятал голову, пытаясь обмануть самого себя и защититься.

— Не бей меня.

— Мне больно, не бей меня...

— Не бей меня...

Только в этот момент С наконец понял: когда Линь Хуайшэн потянулся к нему в своей стокгольмской агонии, его любовь зародилась, чтобы тут же увянуть.

Сломленный, как побитая собака, мужчина опустился на колени перед Линь Хуайшэном.

Боль, раскаяние, искупление — всё было бесполезно.

Агнец не хотел видеть и касаться шрама на его лице — ведь это была его суть, символ его жестокости.

Это было последнее, что увидел Линь Хуайшэн перед тем, как ослепнуть.

<http://bllate.org/book/20559/2054844>